

МАРИНА СЕРОВА

**ДОЛЬЧЕ ВИТА
по-русски**

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Девушки любят похолоднее

«Научная книга»

2011

Серова М. С.

Девушки любят похолоднее / М. С. Серова — «Научная книга»,
2011 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

«...Я таяла в его руках. Он был неумолим. Его смелые ласки возбуждали новые желания, которые тут же превращались в действительность, но не утоляли жажду удовольствия.— Еще? – спрашивал он, а я не могла сказать «нет».И вдруг я поняла, что еще несколько женщин находятся рядом с нами. Они совершенно не претендуют на моего возлюбленного, а чего-то хотят от меня. И им я тоже не могу сказать “нет”»...

Марина Серова

Девушки любят похолоднее

...Я таяла в его руках. Он был неутомим. Его смелые ласки возбуждали новые желания, которые тут же превращались в действительность, но не утоляли жажду удовольствия.

– Еще? – спрашивал он, а я не могла сказать «нет».

И вдруг я поняла, что еще несколько женщин находятся рядом с нами. Они совершенно не претендуют на моего возлюбленного, а чего-то хотят от меня. И им я тоже не могу сказать «нет»...

В общем, проснулась я вся разбитая, словно не отдыхала в собственной спальне, а всю ночь провела в засаде. В моей бурной жизни частного детектива (подчеркнем: лучшего детектива Тарасовской губернии!) бессонная ночь – явление закономерное. Но чтобы еще и в период отдыха так выматываться! Ну ничего, сегодняшний сон – пустой, если не сбудется до обеда. А до обеда никакого романтического свидания у меня точно не предвидится, так что можно расслабиться и не принимать близко к сердцу. Хотя можно проверить, что скажут мои любимые косточки.

Я достала замшевый мешочек с тремя двенадцатигранными костями, сосредоточилась и раскинула их. Сочетание выпавших цифр мне не понравилось:

«6+18+27» – «Неудача в делах, связанных с тем, что вы включитесь в пустые хлопоты».

Ну вот, сон какой-то муторный, кости черт знает что обещают. Не дождетесь! Никогда не шла ни у кого на поводу и сейчас не собираюсь. Для начала взбодримся под контрастным душем, а потом поднимем настроение заветной чашечкой кофе.

Сказано – сделано! И все же, смакуя на кухне после душа божественный напиток, невольно вернулась к утренним тревожным ощущениям. Может быть, они вызваны тем, что последний месяц был довольно урожайным: частный сыщик Татьяна Иванова – человек известный в Тарасове, мои услуги востребованы. В последнее время заказов было много. Едва разобравшись с одним делом, приходилось браться за другое. Вот тело и мозги требуют отдыха. Скорее всего, кошмарный сон – просто реакция усталого организма. Но не будем поддаваться! Сегодня в расписании получасовая пробежка по ближайшему бульвару (так странно ранним утром видеть полупустые улицы Тарасова!), потом полтора часа в ванне, легкий завтрак и поездка за город – давно не бродила по лесу, думая о вечном. Мою привычку «отмокать» мало кто понимает, но я считаю, что раз человечество вышло из моря, то каждый индивидуум должен как можно чаще погружаться в исходную среду. Когда я окажусь на пенсии, куплю себе домик в Болгарии (говорят, что там самая дешевая недвижимость) и буду блаженствовать в море. Но поскольку до пенсии еще далеко (гонорары у меня неплохие, но денег на домик в Болгарии все еще не хватает), блаженство в ванне в течение часа-полтора заменяет мне море. К сожалению, так расслабиться я могу только в перерыве между делами. И уж в эти промежутки всегда стараюсь насладиться жизнью.

Среди предметов, необходимых для наслаждения, – новые диски.

Рядом с моим домом есть замечательный подвальчик, с продавцом мы дружим – я ему неплохую выручку делаю! – он уже знает мои музыкальные пристрастия и всегда «угощает» чем-нибудь новеньким. Вчера я купила у него очередной диск, а он расщедрился и подарил еще один, сказав, что на нем записи клипов недавно созданной нашей тарасовской группы. Скорее всего, ему их дали бесплатно в качестве рекламы – кто же будет покупать кота в мешке, – чтобы любители познакомились с творчеством дебютантов. Как правило, это музыка на уровне самодеятельности, и дальше первого диска дело не идет. Вот и в этот раз мне всучили чистую попсу, но массам это нравится, и, пожалуй, пара песенок найдет поклонников. Больше всего

я одобрила оформление: с обложки смотрели пять симпатичных девичьих мордочек, у всех участниц – длинные ноги. Даже если они просто выйдут на сцену и начнут открывать рот, делая ритмичные движения, успех иметь будут, особенно у мужчин. Да-да, кто-то додумался создать чисто женский коллектив, и самое интересное, что девушки не только сами поют, но и играют. Причем соло-гитаристка и барабанщица делали это профессионально, а бас-гитаристка и клавишница – неплохо. Так что выбрасывать диск я не стала, хоть и прослушала только самое начало. Пусть полежит, глядишь, когда-нибудь станет раритетом.

Именно об этом я вспоминала, наматывая по бульвару километры, которые решила сегодня пробежать. Как приятно думать о прекрасном, вместо того чтобы просчитывать комбинации, как поймать очередного злодея.

Как всегда, на нашем месте меня ждал Семен. Не то чтобы ждал, уже всю разминался. Я активно подключилась к упражнениям. Вообще-то я принципиальная индивидуалистка, даже из прокуратуры в свое время ушла потому, что не хочу никому подчиняться. Но карате – спорт парный, хочешь – не хочешь, а приемы отрабатываются вдвоем. С Семеном мы познакомились на занятиях в спортклубе, где работает наша секция карате. Оказалось, что живем мы по соседству (конечно, в масштабах Тарасова) и поэтому, встречаясь на утренних пробежках, стали заниматься вместе. Вот и сегодня активно махали руками и ногами, стараясь друг перед другом.

– Ты спешишь? – спросил Семен, отжимаясь от скамейки.

В этот момент я рядом с ним делала растяжку.

– Нет, конечно. Если бы я спешила, меня здесь не было бы, – кажется, я удивилась. Семен должен уже привыкнуть, что на бульваре я появляюсь только в свободное от заказов время, но потом поняла, что так он просто пытается начать разговор.

Я села на скамейку:

– У тебя какие-то проблемы?

Люди, занимающиеся восточными единоборствами, умеют постоять за себя и обычно своими сложностями никого не загружают. Но уж если что-то случилось с другом или хорошим знакомым, не могут не прийти на помощь.

– Скорее да, чем нет, – задумчиво протянул Семен, присаживаясь рядом. – Все дело в дочке. Я совсем ее не понимаю. Чего ей не хватает?

Я знала, что Семен воспитывает дочь один. Его жена, геолог по профессии, погибла в экспедиции, когда девочке было двенадцать. Это случилось лет шесть тому назад.

– Ей восемнадцать-то уже исполнилось? – поинтересовалась я.

– Две недели, – вздохнул партнер.

– Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом! – блеснула я знанием классики. – У твоей доченьки по-явился Молчалин?

– Если бы один Молчалин! – Чувствовалось, что мой партнер на пределе. Поэтому я предложила рассказать все с самого начала.

А началось все с полгода тому назад, когда Женю, студентку консерватории, взяли в группу, которую создавали при филармонии. Девушка уже выступала в школьном ансамбле. Она неплохо пела, но еще лучше у нее получалась игра на ударных инструментах. Отец сначала не понимал дочку, ведь основной специальностью, по которой она занималась в музыкальной школе, была виолончель, и ворчал: «Зачем тебе нужны эти барабаны?!» Но потом, пораскинув мозгами, понял: если у ребенка выдающиеся способности к чему-то, то нужно их развивать, и старался делать для этого все, что мог. Первое время даже встречал дочку с поздних репетиций и концертов, пока та не выставила ультиматум, что уйдет в общежитие, если папаша не избавит ее от излишней опеки.

– Тогда-то я и перестал ее понимать, – принялся вспоминать Семен. – После первого же концерта, на который она не разрешила мне прийти, ее привез на иномарке какой-то прыщавый хлыщ. Потом она принялась менять кавалеров как перчатки. Они начали отираться у нас возле дома. Некоторых она и в квартиру приводила. Правда, только в моем присутствии. Конечно, мне трудно было говорить с дочкой на взрослые темы, и все же, мне кажется, раньше она от меня не скрывала своих проблем. Приходя из школы, рассказывала обо всех событиях, даже самых незначительных. И я старался быть с Женей откровенным, говорил о работе, о решениях, которые принимал, даже советовался с ней. Каждые каникулы мы в поход на байдарках отправлялись – как при Нине было заведено, так и продолжали. Зимой воскресенья на лыжах вместе проводили, по будням – на каток. А какой она хозяйкой в доме стала! Сначала я готовить ее учил, а потом она меня к плите не подпускала: «Я сама!» А когда в этой группе начала выступать, знаешь, как она изменилась? – интонация, с которой Семен произнес вопрос, мне совершенно не понравилась. Трудно было поверить, что это мой всегда спокойный и уверенный в себе спарринг-партнер.

– Теперь слова ей не скажи, – продолжал Семен. – Тут же устроит истерику, хлопнет дверью и исчезнет из дома, отключив телефон. Позавчера вообще не пришла ночевать. Ты знаешь, мне уже и продюсер звонил, жаловался, что она постоянно на репетиции опаздывает, приходит на них с мужчинами. Он одного прогонит – другой появляется. Она обещает исправиться, но тут же все повторяется.

В голосе этого большого и сильного мужчины, ребром ладони разбивающего кирпичи, было столько растерянности, что мне стало его жалко.

– Главное – научи ее предохраняться, – ляпнула я и тут же пожалела: мне смешно, а для Семена по-настоящему серьезно. Сама я уже не помню, когда рассталась с девственностью (кокетничаю, конечно, помнить-то помню, но знаю, что близко к сердцу это событие не приняла, тем более что особой радости не испытала: партнером был мой сверстник. И сам-то немного умевший, и мне ничего, кроме неприятных ощущений, не доставивший. Это потом уже повезло с мужчиной, научившим меня получать чувственные удовольствия).

– Но вообще-то, друг, ты обратился не по адресу, – пришлось признаться мне. – Я довольно нетипичная женщина: ни замужем не была, ни дочек и даже племянниц не имею. Свои первые свидания не помню. Как строить амурные отношения, не знаю, потому что мне неинтересно – для семейной жизни я еще не созрела (если вообще когда-нибудь созрею – ну уж об этом Семену я говорить не буду). Так что ценных советов ни тебе, ни дочке твоей давать не смогу.

– А научи ее так же держаться с мужчинами, как ты сама, – неожиданно выдал Семен.

Задача из серии неразрешимых.

– Сеня, милый, я никак с ними не держусь, – я даже немного растерялась. – Мне просто от них ничего не надо – мужчины понимают это и слетаются, как мухи на варенье. Но это сейчас, когда мне двадцать семь. В восемнадцать все было по-другому, и ошибок я наделала не меньше, чем любая из девушек. Научить этому невозможно. У каждой из нас своя судьба. Еще никто никогда не научился на чужих ошибках – все предпочитают делать свои.

Семен расстроено свесил голову. Я тоже задумалась. Спросить его, почему до сих пор не женился? Ведь это мама должна объяснить девочке, как себя вести с противоположным полом. У Жени же в лучшем случае могла бы быть только мачеха.

– После смерти Нины, – Семен как будто прочитал мои мысли, – у нас в доме не было ни одной женщины. Я не встретил такую, что смогла бы заменить девочке мать. Боюсь, Женя не знает, что значит быть женой.

– А ты считаешь, что ей сразу же нужно становиться женой?

– Я был у Нины первым и единственным.

– Ножкин! Это случилось в прошлом веке, – я даже растерялась.

– Вот-вот, и дочь назвала меня динозавром, – в голосе друга звучали грусть и растерянность.

Я попыталась убедить Семена, что не стоит так огорчаться и расстраиваться. И даже согласилась прийти в гости сегодня вечером и попытаться пообщаться с Женей. На этом мы и разошлись, договорившись созвониться часов после восьми.

Уже удалившись на приличное расстояние, я вспомнила утреннее предсказание про пустые хлопоты и расстроилась. Мне искренне хотелось помочь Семену. Но пришлось признаться самой себе, что педагог я никакой, общего языка с молодежью найти не могу, их увлечения мне непонятны и неинтересны, о чем говорить с незнакомой девушкой – не представляю. Зачем я согласилась прийти вечером к Ножкиным? Но ничего не поделаешь, я привыкла держать слово и справляться с самыми неожиданными проблемами. И все же одно дело – просидеть ночь в засаде или положить на лопатки здоровяка-охранника, и совсем другое – убедить молодую девушку в том, что она неправильно себя ведет.

Упражняться больше не хотелось, я повернула по направлению к дому, решив все-таки пробежаться.

Темп я взяла неплохой и, энергично переставляя ноги, чисто автоматически начала прокручивать в голове варианты предстоящей беседы. И вдруг подумала, что если именно это – предстоящие мне пустые хлопоты, то не все так страшно. Ради друга можно и похлопотать. Конечно, в успехе будущей беседы с юной женщиной я сильно сомневаюсь, ну, ничего, от меня не будет. Поэтому нужно серьезно подумать о том, как все-таки можно помочь.

Посоветоваться с Диной, знакомым психологом? А есть еще Люся, которая преподает в старших классах – уж на ее-то глазах этих девичьих драм произошло видимо-невидимо. Вспомнился случай, про который недавно передавали в новостях: где-то на Урале парень с девушкой спрыгнули с крыши двенадцатиэтажки, потому что родители не разрешали им встречаться. Нет, нужно действительно поговорить – чем черт не шутит, девчонка натворит еще что-нибудь. Итак, план действий на сегодня намечен. Вот только загляну еще в одно место на бульваре, где последнее время особенно полюбила бывать. В прошлом году там были непролазные заросли кустарника и большая куча мусора. А совсем недавно возник оригинальный фонтанчик. Ландшафтный дизайнер, чей замысел воплощен здесь, пошел по пути наименьшего сопротивления: струи разной высоты били из груды дикого камня. Стекая извилистыми ручейками, вода собиралась в небольшой бассейн. Когда-то вытопанный, неприглядный кусочек бульвара обрел новую жизнь. Фонтанчик и бассейн изменили микроклимат, зазеленела трава, протоптанные горожанами дорожки обложили тротуарной плиткой, вокруг водоемчика разбили несколько клумб, для буйного кустарника устроили «модельную» стрижку, так что теперь глаз радовали краски окружающей зелени, слух услаждало журчание струй. Кто-то из мудрецов сказал, что можно бесконечно долго смотреть на огонь и текущую воду, кто-то из юмористов добавил: и на то, как работают другие. Работать я люблю сама, вот в свободное от работы время с удовольствием и на огонь посмотрю, и на ручеек.

Поэтому порой после пробежки я и заглядываю в это райское место. Иногда встречаю здесь мою соседку по подъезду и тезку Татьяну, студентку экономического университета, подрабатывающую дворником. Во многом благодаря ее стараниям местные дикари еще не изуродовали этот уголок: каждое утро Таня выгребает отсюда мешок бутылок, банок, подметает окурки и другие продукты жизнедеятельности молодежи. Мы здороваемся и иногда перекидываемся парой слов о современных варварах.

Сегодня я позадержалась с Семеном и Татьяну не встретила, зато на моей любимой скамейке сидела, свесив голову на грудь, девушка. Наверное, задумалась о несчастной любви, бедняжка. Ну что ж, скамейка довольно длинная, если я пристроюсь с одной стороны, то не сильно помешаю. В конце концов, если ей не понравится, она может пересесть на соседнюю, а мне

нужна именно эта: почему-то только у нее одной из всех ближайших лавочек высокая спинка, на которую очень удобно закидывать ногу для растяжки.

И все же я решила спросить:

– Можно, я составлю вам компанию? Доброе утро!

Ни на вопрос, ни на приветствие мне не ответили.

Уснула, что ли? И сидит как-то странно. Но, в конце-то концов, какое мое дело, пусть сидит как хочет! Пожав плечами, я начала упражнение. При очередном не совсем удачном замахе нога сильно стукнула по спинке скамейки. Краем глаза я увидела, как фигура на противоположном конце наклонилась и упала.

– Вам плохо? – кинулась я к девушке и поняла, что плохо ей уже давно. Настолько давно, что тело уже похолодело.

– Размялись, – вздохнула я и набрала номер службы спасения.

Рассказав о своей страшной находке, сделала еще один звонок.

Мой друг подполковник милиции Кирьянов почему-то не обрадовался, услышав мой голос в такую рань. Когда я сообщила, что нашла очередной труп, совсем не удивился, а только поинтересовался, не могла ли я сделать это попозже, хотя бы после того, как он побывает на планерке у генерала.

Я только вздохнула в ответ. В этот момент появилась милицейская машина. Общение с родной милицией (за исключением отдельных личностей типа Володи Кирьянова и Гарика Папазяна) никогда не доставляло мне большого удовольствия. Почему-то люди в милицейских погонах всегда очень специфически реагируют, узнавая, чем я зарабатываю на жизнь. Профессию частного сыщика они не воспринимают всерьез, а уж если сыском занимается женщина...

Прибывшие милиционеры очень удивились, почему я, выйдя ранним летним утром на пробежку, не взяла с собой пакет документов, удостоверяющих личность. Может быть, их возмутило то, что ни на майке, ни на шортах, и даже на кроссовках нет ни одного кармана, куда можно было бы положить паспорт и лицензию на сыскную деятельность? Они даже обыскали меня и остались недовольны, не найдя при мне ни огнестрельного, ни холодного оружия. Я бы на их месте отправила на исследование ключ от моего дома (во время утренней пробежки я надеваю его на шею на цепочке), чтобы выяснить, не явился ли он орудием преступления. Но чуть позже защитники правопорядка все-таки увидели замаскированную шарфом рану на груди девушки. И сразу же задались вопросом, не я ли ее замаскировала, а заодно спросили, куда я дела нож.

Тут еще нашлась свидетельница, прогуливавшая свою собаку, заявившая, что я была на площадке возле фонтана довольно долго. Оказывается, она шла за мной, в то время как я свернула на фонтанный пяточок, но сама прошла чуть дальше и встретилась с подружкой, с которой и болтала до приезда милицейской машины. Заинтересовавшись происходящим, дамочка тут же возжелала поделиться своими наблюдениями, а именно тем, что, по ее мнению, я провела на пяточке возле фонтана около получаса.

С ее расчетом времени я не была согласна и считала, что обнаружила отсутствие признаков жизни в соседке по лавочке минут через пять.

С неизбежностью провести несколько часов в милиции, отвечая на многочисленные вопросы и подписывая как свидетель, обнаруживший труп, страницы протокола, я смирилась. Ох, если бы при выборе маршрута утренней пробежки я повернула направо, а не налево, я бы уже давно нежилась в ванне. Вот и не верь после этого народной мудрости, советующей не ходить налево!

А вот с тем, что на меня собираются повесить убийство этой девицы, я мириться совершенно не собиралась, хотя следователь, заполнявший протокол, всячески убеждал меня облегчить душу и признаться в том, чего я не делала.

Судя по всему, практики у него было совсем немного, а вот гонора достаточно. Следователь тут же начал применять ко мне все те приемы, которым его учили в институте. Я даже кое в чем узнала себя шестилетней давности – начинающего работника прокуратуры, стремящегося показать, какая я умная и как быстро умею «раскалывать» преступников. Правда, мне кажется, что я в свое время не пыталась при этом унижить подследственного и не обещала сгноить его в тюрьме.

На мои деликатные намеки о том, что если бы я решила зарезать девушку, то постаралась бы и нож спрятать, и алиби себе обеспечить, молодой человек заявил, что, вызвав милицию, я как раз этим и занималась.

– Но я ведь ее даже не знаю! Зачем мне ее было убивать?

– Вот это мы и выясним, – заверил меня следователь и еще раз предложил признаться.

Я еще раз призналась, что все утро беседовала с Семеном Ножкиным, потом трусцой минут пять бежала к фонтанчику и минут пять разминалась рядом с трупом.

– Вы утверждаете, что не заметили, что рядом с вами мертвец?

– Откровенно говоря, я заметила некоторую неестественность ее позы, – сказала я, – но мало ли кто как сидит? Она выглядела как страдающая женщина – согнулась и свесила голову. Может быть, задумалась?

Молодой человек заставил меня еще раз восстановить мои передвижения за утро. Поинтересовался, кого я видела во время пробежки и особенно когда подходила к фонтанчику. Но, повторив свой рассказ в третий раз, ничего нового я не вспомнила. Лейтенант тоже не мог придумать новых вопросов и не знал, что со мной делать – отпускать не хотелось, все-таки какой-никакой подозреваемый, а отправить в камеру не решался, чувствовал, что обвинение в убийстве мне предъявить будет сложновато.

И лейтенанта, и меня спас Киря, который решительным шагом вошел в кабинет и отправил меня в коридор. О том, что он там говорил начинающему следователю, я могу только догадываться. Но после того, как меня пригласили обратно, тот изменил тон и быстренько подписал пропуск. Напоследок все-таки предупредил, что я остаюсь главным подозреваемым.

На мою благодарность за то, что вызволил меня, Кирьянов велел сказать спасибо генералу, который провел утреннюю пятиминутку всего за полтора часа (странно, но они показались мне вечностью). Кирьянов и довез меня до дома – утро было уже не раннее, и в спортивных шортах и маечке на улицах города я чувствовала бы себя не совсем комфортно, хотя в принципе как девушка без комплексов могла бы спокойно пробежаться.

От чашки кофе господин подполковник не отказался. Вкушая наш любимый напиток, я заверила друга, что не следила за пострадавшей и в данный момент нахожусь в отпуске за свой счет. Счет этот неплохо пополнился в результате последнего расследования и позволял теперь не только безбедно прожить пару месяцев, но и отложить некую сумму на домик в Болгарии.

Володя не поверил, что я не стану заниматься расследованием:

– Иванова, я тебя столько лет знаю, что могу поспорить на что угодно: ты обязательно сунешь свой хорошенький носик в это дело!

Его безапелляционность меня несколько разозлила, и я, рассерженная еще и на лейтенанта, проявившего непочтительность к лучшему сыщику Тарасова, поинтересовалась, что Кирьянов рассказал обо мне молодому следоку.

Подполковник заверил, что дал мне блестящую характеристику и порекомендовал поучиться у меня умению анализировать ситуацию и добывать сведения.

– То есть ты действительно считаешь, что я в очередной раз буду делать работу за родную милицию? – решила уточнить я.

Но Кирьянов не обратил внимания на мое возмущение и за-явил, что не может припомнить ни одного случая, чтобы я не ввязалась в расследование, к которому довелось прикоснуться.

– И потом, – подначил меня Кирьянов, – насколько я знаю, лейтенант заверил тебя, что ты остаешься главной подозреваемой.

Ох, зря он это сделал! В свой монолог я вложила все чувства, которые испытывала, наблюдая за потугами неопытного лейтенанта заставить меня признаться в том, чего я не совершала.

– Я, конечно, догадываюсь, милейший господин подполковник, что вы крайне заинтересованы в скорейшем раскрытии и этого преступления. Но во всех случаях, о которых вы вспомнили, я помогала лично вам. Вы согласитесь с тем, что одно дело – помогать вам, мой дражайший друг, и совсем другое – этому молодому нахалу. Сначала он просто брал меня на испуг, обвиняя в убийстве, а узнав, кто я, решил сгрести жар чужими руками. Против меня у него нет ни одной улики, я получила достаточно хорошее юридическое образование, чтобы не обращать внимания на потуги неопытной молодежи. И, кроме того, я бесплатно не работаю!

Мой переход на «вы» показал Кирьянову, что он переборщил с приколами, а я дошла до точки кипения. Посему стоит срочно ретироваться, что он и сделал с достаточной скоростью, напоследок заверив в своей готовности и в дальнейшем вызволять меня из-за решетки (если, конечно, я не совершу убийства).

Я не запустила в него чашкой только потому, что сама пью из той, что привезла из Парижа. Ее, естественно, жалко разбивать, а свою он успел вымыть и убрать на полку.

Интересно, что это я так возбудилась от самых обычных приколов Кири? В первый раз, что ли?

Пожелав мне приятного отдыха, Кирьянов удалился, а я незамедлительно приступила к делу: принялась решать, чем же заняться. Звонить подружкам, с которыми хотела посоветоваться насчет Жени Ножкиной, еще рано, лучше сделать это после обеда. Не придумав ничего оригинальнее водных процедур, я подошла к компьютеру, включила любимый диск (колонки моей новой стереосистемы расположены во всех комнатах) и собралась отправиться в ванную, чтобы пустить воду, когда взгляд остановился на обложке альбома девичьей группы. Блондинка с гитарой была очень похожа на девушку со скамейки, если ту, конечно, соответственно раскрасить и приодеть.

Бывают же совпадения! Я взяла с собой диск и, плескаясь под звуки музыки в морской соли, читала обложку альбома.

Группа «Сочетание чувств». Солистка Алина Светлова, бас-гитара – Даша Разметнова, гитара-соло – Светлана Измайлова (именно Света похожа на мою утреннюю «находку»). Есть еще Гульнара Манарова и Евгения Ножкина – клавишница и ударница.

Так вот в какой группе выступает дочка Семена. Судя по обложке, песен у них пока немного. А если вспомнить три произведения, из интереса прослушанные мною вчера, можно сделать вывод, что их творчество – девичьи сантименты, чистая попса.

Как бабочки на огонь, слетаются девчата на эстрадный блеск. Кто-то исполнит одну-две песенки и пропадает. Кто-то становится «звездочкой», греющейся в лучах настоящих звезд, которых знают и обожают массы. Эстрадных светил, затмевающих всех остальных, совсем немного. А так хотелось бы разнообразия. Любое настоящее творчество, будь то поэзия, изобразительное искусство, музыка – это умение найти свою тему, никем пока не раскрытую, свою интонацию, непохожую на других, способность петь своим, узнаваемым в черед других голо-сом и сказать то, что до тебя еще никто не сказал.

Однажды судьба свела меня с очень талантливой девушкой, выступавшей на «подпевках» у очередной эстрадной кометы. Девушка обладала таким сильным, красивым голосом, что я,

удивившись, спросила ее, почему не она, а это чуть пищащее крашенное с ног до головы существо, стоит в центре сцены у микрофона? Девушка в ответ только усмехнулась: «А кому это надо? У меня же нет спонсора».

Вообще-то я всегда считаю, что профессионал обязательно будет востребован. Нужно только стараться честно и добросовестно делать свое дело, применять все знания, стремиться узнать больше, тогда признание придет, а с ним и достойное вознаграждение. Но, может быть, на эстраде другие законы? И как по этим законам сложится судьба Жени Ножкиной? Смогу ли я помочь ей не сделать первых ошибок, как надеется мой хороший знакомый Семен? Как оправдать его надежды?

Вот о чем я думала, сидя в ванне, когда раздался звонок моего сотового. Женщина, представившаяся Оксаной Чесноковой, попросила о встрече. Я извинилась и отказала – мой настрой на отпуск поколебать было нельзя, и, кроме того, я вроде бы пообещала Семену заняться его дочкой. Хотя, по большому счету, это и не дело вовсе, но заказ может заставить меня помчаться неизвестно куда, а вечером я обещала быть у Ножкиных. Однако сидеть в ванне все-таки расхотелось. Полюбовавшись в очередной раз на свою фигуру в зеркало на двери, я пошла на кухню, чтобы выпить еще одну чашку любимого напитка. Обнаружилось, что его запасы иссякают и настоятельно требуют пополнения, впрочем, как и все остальные – об этом мне сказал холодильник, испугавший пустыми полками. Да, шопингом я не занималась давненько, в последнее время все больше пищу духовную потребляла. Составив список необходимых продуктов, решила съездить на оптовку. Не то чтобы я вынуждена экономить на продуктах – доход у меня, конечно, не стабильный, но зарабатываю не только на хлеб с маслом, но порой и на икру – просто иногда в течение недели мне некогда бывает даже заглянуть в соседний гастроном, поэтому всегда полезно иметь запас консервов и пару лишних банок кофе, ведь, бывает, домой приезжаю только переночевать. И к тому же на оптовке товар посвежее – в округе универсамов развелось больше, чем покупателей. Так что теперь проблема не в том, чтобы купить нечто, а в том, чтобы оно было свежим и качественным.

Что значит правильная организация труда! Благодаря списку поход на оптовку не занял много времени. Вот только моего любимого сорта кофе не было. Так как этот возбуждающий напиток – одна из моих немногих слабостей, на нем я не экономлю, и для того, чтобы купить именно тот сорт, который люблю, готова объехать весь Тарасов. Но несмотря на мою решимость купить заветную пачку, ничего не получилось – этого сорта не было в тех магазинах, куда я заглядывала по дороге. Затащив домой две внушительных сумки с продуктами и определив запасы по местам, я решила прогуляться пешком до специализированного магазина в соседнем квартале. Лето выдалось жаркое, но прошедшая неделя порадовала парочкой гроз, которые обновили запылившуюся листву городских деревьев, и набегавшие время от времени тучки чуть-чуть освежали знойный воздух, так что пешая прогулка обещала некоторое удовольствие.

Выйдя из подъезда, я обратила внимание, что на лавочке рядом с соседкой-пенсионеркой, проводящей здесь весь день, сидит женщина, которую я до сих пор ни разу не видела.

В городских многоэтажках, содержащих в своем чреве количество жителей, сопоставимое с небольшой деревенькой, соседи по площадке не всегда знакомы. Но, тренируя наблюдательность и зрительную память, я заставила себя узнавать всех, кто живет в нашем подъезде. В этом мне как раз и помогла беседовавшая сейчас с незнакомкой Татьяна Никандровна. Уж ей-то каждый известен. Пару лет тому назад эта ярая сторонница организации ТСЖ для борьбы с коммунальными пиратами была частой гостьей в квартирах. Она убеждала нас в том, что хватит ждать милостей от властей и их ставленников в коммунальных службах, а нужно брать власть в доме в свои руки.

Я считаю, что деньги нужно зарабатывать, а не ждать подачек от родного государства в виде льгот на услуги ЖКХ и прочее. Но даже меня удивляют суммы, выставяемые в пла-

тежках, и, помнится, раньше я регулярно удивлялась: «За что?» – так как считала, что обозначенная цифра никак не соответствует уровню оказываемых коммунальных услуг. Но благодаря Татьяне Никандровне и еще нескольким активистам теперь управляющая компания отработывает каждый наш рубль, заплаченный за коммунальные услуги. Вот уже пару лет у нас в подъезде всегда чисто, вовремя меняются лампочки, вызвать электрика или сантехника не проблема. У нас обновилась детская площадка, заасфальтирована стоянка для машин, даже дворник появился!

Вежливо раскланявшись с соседкой, я направилась в новый магазин. Незнакомка последовала за мной. Не то чтобы я регулярно проверялась, я ведь сегодня не работаю, но привычка есть привычка, и слежку я почувствовала сразу. Точнее, это вовсе не слежка. Просто дама шла вслед за мной и появилась в том же магазинчике, что и я, повертелась у витрины, пока я рассчитывалась за желанную упаковку кофе, и вышла сразу же за мной. Даже не пытаюсь скрываться, как и я, направилась обратно в сторону моего дома.

В таких случаях я чаще всего действую прямолинейно. Не стала изобретать велосипед и сейчас, а просто повернулась назад, подошла к даме и сказала:

– Слушаю вас.

– Татьяна Александровна, спасите! – Женщина расплакалась и кинулась мне на грудь.

Приплыли. Ну как можно рассуждать про отпуск, когда у тебя на груди рыдает потенциальная заказчица? Пришлось завернуть в ближайшее кафе, где я и узнала историю создания и перспективы гибели группы «Сочетание чувств».

Да-да, ко мне на грудь кинулась супруга продюсера Виталия Чеснокова, которой я отказала во встрече часа три тому назад. Если за это время она раздобыла мой адрес, то ее настойчивости можно позавидовать. Я не помещаю рекламу о своей детективной деятельности в газетах. Мой телефон передают друг другу заказчики, люди, которым я когда-то помогла, рекомендуют меня своим знакомым, попавшим в беду. А вот адрес знают немногие, и если Оксане Чесноковой за столь короткое время удалось его найти, то на ее предложение заняться расследованием, по-видимому, будет легче ответить согласием, чем отказом.

Маленькая стройная женщина с буйной гривой каштановых волос, большими выразительными глазами и донельзя испуганным взглядом, помешивая ложечкой в чашке, рассказала, что милиция задержала ее мужа, Виталия Чеснокова, продюсера группы «Сочетание чувств», по подозрению в убийстве Светланы Измайловой, солистки группы.

– Он не мог этого сделать! – причитала Оксана. – Он столько вложил в Свету, он так надеялся, что группа выйдет на московский уровень! Если бы кто-то знал, как долго Вит шел к этому, как трясся над каждой девочкой! Он родной дочери уделяет меньше внимания, чем своим артисткам! Конечно, он ругался на них, обижался, расстраивался, но чтобы убить? Ни один человек, знающий его, в это не поверит!

Диктофон я всегда ношу с собой. Достав его из сумочки, я предупредила Оксану о необходимости записи и попросила ее рассказать о муже и его детище как можно подробнее. Многие люди боятся диктофона, но Оксана в очередной раз вытерла слезы и охотно принялась вспоминать историю своей жизни с Чесноковым. Рассказчицей она была хорошей.

Виталий Чесноков долго искал себя. Парень с рабочей окраины получил в наследство от родителей отличный музыкальный слух, а вот с голосовыми данными не повезло. Поэтому в школьном вокально-инструментальном ансамбле он выступал не на первых ролях, хотя играл прекрасно: в солистах были ребята, которые пели лучше. А вот в студенческом клубе при университете, где разглядели его организаторские способности, Вит – так звали Чеснокова в музыкальной среде – оказался востребован именно как руководитель ВИА. Получив диплом физика, молодой инженер Виталий Александрович работал по распределению в одном

из многочисленных НИИ, по вечерам поигрывая в ресторане. Когда вместе с прежней страной научно-исследовательский институт приказал долго жить, работа в ресторанном оркестре стала основной. Постепенно сложился интересный коллектив, даже свой композитор появился. Ребята рискнули принять участие в республиканском конкурсе и засветились на Центральном телевидении. Рванули в Москву, дали несколько успешных концертов, но тут солист получил выгодное предложение, амбиции его взыграли, и группа развалилась. Виталий вернулся в Тарасов, где его ждали жена и дочка, к разбитому корыту.

В ресторане уже играл новый оркестр. Инженеры составляли самую большую часть специалистов, стоящих на учете в центрах занятости. Деньги, которые совсем недавно зарабатывались довольно легко, в руки больше не шли. Спасибо теще, по знакомству пристроившей бывшего инженера и бывшего музыканта во Дворец детского творчества, который как раз поменял свое старое название (Дворец пионеров) на более длинное. Там его приняли на должность руководителя фотокружка. Но директор, женщина, увлеченная своим делом, всю жизнь посвятившая Дворцу, голые стены которого она приняла от строителей и превратила в детское царство, узнав о музыкальном прошлом Чеснокова, по-быстрому уволила пьющего и больше числившегося, чем работавшего, руководителя музыкального кружка. Нашла спонсоров, купивших инструменты, а от юных талантов отбоя не было, собралось даже три состава поющих и играющих детей.

Лет пять Чесноков оттачивал детские таланты, а заодно и свои организаторские способности: организовывал шефские концерты, учился зарабатывать деньги. Старшие его воспитанники выросли и разбрелись по вузам, средние «заматерели», были многочисленными лауреатами областных и даже республиканских конкурсов художественной самодеятельности. В ходе этих конкурсов Чесноков часто встречался с директором областной филармонии Егором Пензиным, который со временем предложил Виталию поработать у него. Очередная группа, числившаяся при филармонии, вместе с руководителем рванула покорять Москву. Пензин искал на их место преемников и обратил внимание на Чеснокова. Было решено проявить оригинальность и создать чисто девичий коллектив. Поющих и играющих девчат искали в консерватории, но классические певицы не оправдали надежд. И все-таки, со временем, постепенно отсматривая на различных творческих конкурсах поющих девчат, Чесноков нашел и солистку, и поющих музыкантов.

Первой из сегодняшнего состава группы Виталий пригласил клавишницу Гульнару Манарову. Она как раз была среди студенток консерватории, которых Чесноков выбрал в самом начале. Одна Гуля и осталась в основном составе, остальных девушек постепенно заменили.

Солистку Алину Светлову нашли на областном конкурсе студенческой самодеятельности, где она представляла исторический факультет классического университета. За нее еще пришлось пободаться с директором университетского клуба Марком Розиным, который уговаривал девушку стать солисткой университетского ансамбля, но филармония победила, ведь филармонические коллективы получали какую-никакую зарплату, что для студентки играло немалую роль.

Бас-гитаристку Дашу Разметнову переманили из ансамбля социально-экономического университета, где она училась на четвертом курсе. Ее Чесноков услышал на конкурсе авторской песни, который наподобие знаменитого Грушинского фестиваля стали проводить в одном из приволжских районов. Туда стали съезжаться таланты не только нашей, но и соседних областей. Чесноков, входивший в составе жюри, был очарован Дашей и пригласил ее попробоваться сначала на гитару-соло. Но потом, когда Пензин привел студентку сельхозакадемии Светлану Измайлову, стало ясно, что именно она должна быть на этом месте. Даша охотно согласилась стать поющей бас-гитаристкой.

Сложнее всех было найти виртуоза ударных инструментов. Пробовали то одну, то другую девушку, и вдруг Женя Ножкина пришла сама. После очередного концерта к Чеснокову

подошла девушка и спросила, устраивает ли его работа девицы за барабанами. Когда тот признался, что не очень, Женя сказала, что она может лучше. Попробовали и пришли в восторг.

И девчата, и технические сотрудники, обслуживающие группу, трудились сутками. Чесноков связался с композитором, который писал песни для их «ресторанного» коллектива, и уговорил его послушать своих девчат. Тот пришел в восторг и подключился к работе. Собственный репертуар – важная составляющая успеха. И музыканты начали его нарабатывать.

Долго подбирали название. «Сочетание чувств» придумали в жарких спорах. Творчество, талант, амбиции объединили коллектив. После двух месяцев напряженных репетиций состоялись первые концерты, которые прошли на «ура» – зрители устраивали овации, о группе заговорили в музыкальных кругах. Сделала свою роль и умелая реклама. Пензин свел Чеснокова со своими коллегами – руководителями филармоний соседних областей, которые подсказали, как организовать концерты у них. Конечно, не всегда хватало денег, певицы простужались, костюмы были бедноваты, а инструменты оставляли желать лучшего, но азарт первых успехов компенсировал все.

Оформив кредит, Виталий арендовал помещение и оборудовал звукозаписывающую студию. Диск получил высокую оценку у специалистов. Качество аппаратуры оценили тарасовские музыканты и стали в очередь. Группу стали охотно приглашать на гастроли, девчата начали зарабатывать не то, чтобы уж очень много, но неплохо для студенток. Нашелся и спонсор, который одолжил Чеснокову деньги на дальнейшее развитие под божеский процент, как он объяснил «из любви к искусству», а скорее всего, для того, чтобы иметь возможность в разговоре среди своих прихвастнуть: «Моя группа».

И все же вместе с успехом пришли и проблемы. А в последнее время неприятности посыпались одна за другой.

Алина Светлова «зазвездилась», у нее разладились отношения с другими девушками. Частые слезы, периодические истерики стали всем надоедать. А садившийся время от времени голос ставил под вопрос концерты. Сама Алина пела все меньше, другим девушкам приходилось брать основную нагрузку на себя.

По словам Оксаны, Виталий сильно нервничал от ее фокусов, возил ее по врачам, но девушка впала в депрессию и выступала все хуже.

То ли дурной пример оказался заразительным, то ли по каким своим причинам, но странно начала себя вести и Женя Ножкина. Она пришла в ансамбль такой серьезной, скромной девочкой. И вдруг как будто с ума сошла, повела себя вызывающе, мало того что развела кучу поклонников, так стала пропускать репетиции, а один раз на концерт опоздала. А что за концерт без ударных? Ее тогда прямо на сцену привел какой-то крутой поклонник, который и увез сразу же после окончания выступления, так что Вит не смог даже поговорить с ней – ему пришлось звонить Жениному отцу, просить его принять меры. Но какие меры в наше время можно принять к совершеннолетней девице?

Мне пришлось признаться Оксане, что про приключения Жени Ножкиной мне уже известно, и я даже пообещала ее отцу встретиться сегодня с девушкой, чтобы побеседовать о жизни, чем и был вызван мой первоначальный отказ увидиться с Чесноковой.

Оксана понимающе покивала головой и продолжила рассказ о злоключениях группы «Сочетание чувств».

Неделю тому назад всех выбила из колеи пропажа диска с записью новой песни. Этой песни как раз не хватало для формирования нового альбома, на ее создание группа потратила много студийного времени. Сначала были проблемы с текстом, который не ложился на музыку, потом, когда поэт принес понравившийся всем вариант, Алина начала хрипеть, и, несмотря на мастерство звукооператора, продюсер раз за разом браковал сделанное. Потом композитору пришла в голову новая идея аранжировки. И пришлось все переписывать – тут уж рассвирепел

Чесноков, который вспомнил, сколько стоит студийное время. Зато получилась действительно классная вещь, которая должна была стать заглавной и в концертах, и в диске. И вдруг уже готовый диск исчез – в полном смысле этого слова. А когда звукооператор Максим Куркин сказал, что и в студийном компьютере файл с песней не сохранился, девчата приуныли, а Чесноков в пух и прах разругался с Максимом, пригрозив уволить того, если он не восстановит плоды трехнедельного труда.

– Я пробовала уговорить Виталия не ссориться с Максимом, – рассказывала Оксана, – таких специалистов, как Куркин, у нас Тарасове просто нет. Достаточно сказать, что именно он записывал альбомы тарасовских групп, проникших на «большую» эстраду республиканского уровня. Но они оба шумели так, что стены тряслись. Мужчины дулись друг на друга очень долго, и производственный процесс встал. А тут у Даши Разметновой младший брат пропал. К истерикам Светловой добавились приступы отчаяния Дарьи.

По словам Оксаны, родители Даши погибли в автокатастрофе три года тому назад. Девочка только поступила в экономический. Тогда еще была в живых бабушка, которая и взялась за воспитание ее младшего брата и совсем еще маленькой сестры. Но года через полтора умерла и бабушка. Сестренку забрала тетя, а вот брат Слава остался на попечении Даши. По-видимому, у паренька начался переходный возраст, и он начал проявлять характер. В один прекрасный день сбежал из дома, прихватив часть накопленных денег. Поэтому Даша сначала опоздала на перезапись утерянной песни (она бегала по друзьям Славы, пытаясь узнать, куда он мог деться), а когда пришла, была неработоспособна. Виталий, естественно, подключился к розыскам, но узнать, куда делся младший Разметнов, и выловить паренька пока так и не удалось.

На днях в студию позвонила Гульнара Манарова и, плача, сообщила, что отец запретил ей выступать и не выпускает из дома. Обещал замуж насильно отдать, если не бросит группу.

А сегодня к ним домой прибыли сотрудники милиции и забрали Виталия «до выяснения обстоятельств». Позже Чесноков позвонил жене и сказал, что его обвиняют в убийстве Светланы Измайловой.

Ни к мужу, ни к следователю Оксане прорваться не удалось, тогда она позвонила своей подруге Екатерине Тепловой. Супруга Екатерины в свое время тоже обвиняли в убийстве. Катя и дала ей мой телефон, а потом и объяснила, где я живу. Всезнающая активистка Татьяна Никандровна показала ей меня. Идя за мной следом, Оксана, не забывшая мой решительный отказ, подбирала наиболее убедительные слова, но когда я повернулась и направилась к ней, все их забыла и поступила, как оказалось, наилучшим способом: расплакалась у меня на груди.

Теперь, по-прежнему со слезами на глазах, она сидела напротив и ждала моего решения.

Разозленная на начинающего следока, я все еще не отошла и не хотела связываться с расследованием убийства, поэтому попробовала уговорить Оксану не нервничать и немного подождать: «молодой» хватает всех подряд в надежде, что в сети попадет крупная рыба. Если у Чеснокова будет надежное алиби на момент убийства, то вообще волноваться незачем. Оксана заверила, что Виталий весь вечер и всю ночь провел дома, лечил нервы и никого не хотел видеть, поэтому даже на телефонные звонки не отвечал. Я пока не стала объяснять женщине, что это, как и то, что никого у них не было в гостях, скорее ухудшало положение дел – к ее собственным словам «молодой» отнесется с недоверием.

А вот чередой пропаж и несчастий в группе «Сочетание чувств» я заинтересовалась и пообещала разобраться.

Взяв у Оксаны все известные ей адреса и телефоны и договорившись, что она добудет остальные номера, которые мне необходимы, но которых сейчас у нее нет, я вернулась домой.

Время поджимало. До встречи с семейством Ножкиных оставалось совсем немного, а я еще не проконсультировалась со специалистами.

Сотовый телефон Люси, посвятившей себя воспитанию подрастающего поколения, предложил мне оставить голосовое письмо. Значит, она ведет уроки, хотя время уже далеко послеобеденное. Когда я узнала, что в тарасовских школах все еще есть двухсменка, очень удивилась. На дворе XXI век, а дети вынуждены ходить на занятия во вторую смену! О каком качестве знаний можно тут говорить?!

Да и нагрузка на учителей такая, что выдержать может не каждый. Среди моих знакомых, окончивших педагогический, мало кто выбрал школу – получив диплом педагога, молодые специалисты работают кем угодно, только не сеют «доброе, мудрое, вечное». Поэтому тем, кто все-таки выбирает делом жизни педагогику, нужно памятник при жизни ставить. Как раз Люся – одна из тех, кто достоин монумента. Она готова день и ночь проводить в школе, ходить вместе со своими воспитанниками в походы, писать сценарии праздников, придумывать им темы рефератов и презентаций, искать в Интернете, в каких бы еще конкурсах поучаствовать ее талантливым питомцам, чтобы проявить себя, получить нужные навыки и опыт. Ей доверяют тайны и советуются о том, как жить дальше, она постоянно кому-то помогает, кого-то воспитывает. Она вечно занята, но всегда на всех находит время. Поэтому я не стала огорчаться тому, что не дозвонилась – увидев мой номер во входящих, Люся перезвонит, как только появится возможность.

А вот психолог Дина на мой звонок ответила сразу. Когда я обрисовала ситуацию, сказала, что может дать адрес хорошего психотерапевта. Потом усмехнулась и посоветовала не перегружаться: девочка перебесится, наделает ошибок и успокоится.

– Главное, – сказала Дина, – не запрещать ей ничего, не закатывать истерик, а просто беседовать, рассказывать о том, какая это сложная штука – жизнь. В молодости многие проходят путь проб и ошибок. Если родители вовремя не рассказали, какие искушения поджидают на пути во взрослую жизнь, остается надеяться, что судьба не будет слишком жестока.

– А отцу-то что делать? – Я не смогла скрыть свое возмущение такими общими словами.

– Я же предложила тебе телефон психотерапевта, – невозмутимо ответила Дина, – для собственного успокоения он может с ним побеседовать. А на деле нужно просто подождать, пока девочка перебесится. Тебе же могу порекомендовать выяснить, кто предмет ее страсти. И если это не подлец и подонок, то ничего делать не нужно. Если же он не внушает доверия, то расскажи ей о нем все, что удастся узнать. Только не гарантирую, что она тебе поверит.

Едва я отключилась, как перезвонила Люся. В отличие от психолога учительница переадресовывать меня ни к кому не стала, а как только я обрисовала ситуацию, выдала рекомендацию, которую я и приняла к руководству к действию.

Вот так, выслушав профессионалов, я собралась к Ножкиным. Семен жил в нескольких кварталах от меня, поэтому я пошла пешком. Помня о том, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, я еще утром заказала соседке с первого этажа Клавдии Сергеевне блинчики с мясом. Такую мастерицу, как наша тетя Клаша, еще поискать. Готовить она любит, а так как от прежде большой семьи – дети разъехались, а муж умер – она осталась одна, то с удовольствием угощает соседей. Слава о Сергеевне-кулинарке разнеслась по всему дому, и вечно занятые бизнесумен начали заказывать то одно, то другое блюдо к семейным торжествам, а наиболее продвинутые – и к воскресному ужину или обеду, ведь это вкуснее и наполовину дешевле, чем ресторанный заказ, а уж за доставку на дом вообще платить не приходится!

Блинчики получились на славу, мне даже казалось, что аппетитнейший запах распространялся следом за мной, несмотря на то, что кушанье было упаковано в пластмассовый контейнер. Это подтвердил и Семен: когда я вошла к нему в прихожую, он повел носом и не удержался от вопроса, чем это так восхитительно пахнет. Я улыбнулась и поинтересовалась, где у них кухня.

В здесь, в самом главном «кабинете» любой хозяйки дома, женской руки как раз не чувствовалось: очень чисто, но скучно. Видно, дочка Семена, уйдя целиком в музыку, не рвалась заниматься хозяйством. А может быть, отец не хотел загружать девочку кухонными работами.

Пришлось взять власть в свои руки и разыскать большую тарелку. Выложив блинчики, я поинтересовалась, будет ли чай. Засуетившегося Семена усадила за стол и велела командовать.

– Где чайный сервиз? – Этот вопрос привел Семена в замешательство. Предложенные мне разномастные бокалы я отвергла. Тогда Ножкин повел меня в зал, где в стенке отыскились запылившиеся чашки с блюдами.

Когда я отмывала посуду, вошла Женя. Нельзя не отметить, насколько хороша у Семена дочка. Про фигуру и говорить не стоит – даже в джинсах и маечке она смотрелась на все сто. Меня поразило, насколько выразительное лицо у девушки. Пышные рыжие волосы удачно гармонировали со светло-коричневыми, просто золотистыми глазами, которые удивленно смотрели на меня. Настолько удивленно, что мне даже показалось, что девушка впервые видит здесь (я имею в виду кухню) женщину.

Девушка критическим взглядом обвела меня с ног до головы и поинтересовалась, что здесь происходит.

– Здравствуй, Женя, – пассивная роль не по мне, поэтому я решила взять ситуацию в свои руки, тем более что Семен стушевался и, похоже, даже не собирался объяснять причину моего появления. Вообще-то как раз о том, как озвучить эту причину, мы с Семеном еще не договорились. В бою Ножкин всегда отличался отличной реакцией. Сейчас ничем подобным и не пахло, плюс ему почему-то изменило и всегда присущее хладнокровие: Семен то краснел, то бледнел.

Я загородила Женю спиной и скорчила Ножкину зверскую рожу, два раза подмигнула и послала поцелуй.

Ножкин почесал начинающуюся лысину, махнул рукой и сел в угол. По-видимому, он решил, что мне виднее, что делать. Я тоже так считала, поэтому рванулась в бой. Не зря подружки вооружили меня последними достижениями педагогики и психологии. Но я, как всегда, принялась действовать так, как никто не ожидал.

Как-то Киря, которого я куда-то подвозила, заметил, что когда на светофоре загорается желтый свет и я должна принять решение: затормозить или прибавить скорость, чтобы быстрее проехать перекресток, – я обязательно давя на газ.

Конечно же, и у Ножкиных я начала форсировать события.

– Мы с Сеней решили, что нам с вами пора познакомиться, – я изобразила улыбку и захлопала глазами. – Будете блинчики? По-моему, сегодня они получились особенно удачно.

– С «Сеней»? – еще раз удивилась Женя, а мой друг еще больше покраснел.

Я кокетливо улыбнулась.

– Конечно, буду! – Девушка уселась за стол и с вызовом посмотрела на меня.

– Где у вас заварка? – спросила я ее.

– Я сама! – Так, кажется, сама мысль о том, что здесь будет хозяйничать чужая тетка, привела Женю в шоковое состояние.

– Женечка, мне будет так приятно поухаживать за Сеней, – просительно протянула я и выщарапала пачку с заваркой из рук девушки. Сполоснув чайник, я заварила чай, накрыла его полотенцем и принялась расставлять на столе чашки и тарелки, нашла вилки с чайными ложками, разложила и их.

Ошарашенная Женя присела рядом с Семеном, обреченно смотревшим на меня. Я еще раз незаметно для девушки подмигнула ему и принялась разливать чай, а потом, не говоря ни слова, водрузила на тарелки каждого по три блинчика и сама принялась уплетать угощение за обе щеки.

Семен машинально откусил блинчик, потом, распробовав, отдал дань мастерству тети Клаши. Когда его тарелка опустела, я вопросительно посмотрела на него, подложила еще и, подперев кулаком щеку, начала умильно смотреть, как он ест.

Уж не знаю, чем они оба питались до моего прихода, но блинчики сразили их наповал. Впрочем, Женя быстро пришла в себя:

– А вы разве не на диете?

– Что ты, дорогая, я очень люблю мучное!

– Честно? А как же фигура? – В девочке проснулся интерес.

– Ты считаешь, что мне пора начать о ней заботиться? – спросила я на полном серьезе.

Как бы ей ни хотелось сказать мне какую-нибудь пакость, все-таки пришлось признать, что я в отличной форме.

Я добровольно объяснила, что, во-первых, это природа: я по генотипу не склонна к полноте, а во-вторых, веду суперактивный образ жизни: если я не бегаю по работе, то выкладываюсь в спортклубе, где мы, кстати, с Семеном и познакомились.

– А еще один рецепт я выдам тебе, когда нас папа не будет слышать, – теперь я подмигнула уже девушке.

– Вы, как и папа, занимаетесь карате? – почти восхитилась начинающая певица. – А меня мама не пустила в эту секцию.

– Значит, это не твое, – решила я. – Ты же профессионально занимаешься музыкой.

– А откуда вы знаете?

– Я даже слышала ваши «Одиночество вдвоем», «Восточный экспресс», «Все равно я тебя разлюблю». У меня ваш альбом есть.

– Вы купили? – недоверчиво спросила Женя.

– Получила бесплатно в нагрузку к другому диску, – не стала скрывать я, – но мне понравилась ваша обложка и я прослушала несколько песен. А когда Семен рассказал, что ты в группе, то просмотрела альбом еще раз.

– И как?

– Я принадлежу к другому поколению, у нас были другие песни, – не стала скрывать я. – Но ведь если ты учишься в консерватории, то тоже имеешь представление о другой музыке.

– Значит, вам не понравилось?

– Ну, почему? Вполне в духе времени. Ваши песни будут востребованы вашими сверстниками. А если вы еще и над текстами поработаете, то и старшим понравится. Сложно было в группу попасть?

– Вы знаете, сама удивилась, насколько легко меня взяли. У них уже определился состав, когда я пришла к продюсеру и попросила меня прослушать. У них ведь действительно на ударных слабенькая девочка играла. Я еще в школьном ансамбле руку набила, так что выдала все, что умею.

– Нравится?

– Очень! – У Жени горели глаза, она забыла, что меня нужно ревновать к отцу.

– И как ты совмещаешь учебу с выступлениями?

– Последнюю сессию сдала с напряжением, пару экзаменов даже пришлось пересдавать. Особенно много проблем с преподавателем по специальности, я ведь виолончелистка, обязана играть в оркестре, в ансамблях, а это все сложно совмещать с расписанием выступлений группы. Но наш продюсер – такой молодец! Он сумел договориться, чтобы мне предоставили индивидуальный план. В этом семестре уже легче.

– У тебя, наверное, вагон поклонников? – наконец-то я подошла к особо интересующей нас теме.

Женя равнодушно пожала плечами.

– Не поверю, что по тебе не сходит с ума половина тарасовских парней, – продолжала настаивать я. – Девушка за барабанами – это должно возбуждать, или я не разбираюсь в мужчинах!

– Да, знаешь, сколько козлов предлагают побарабанить вместе, – удовольствия в ее голосе я не почувствовала, скорее проскользнули нотки горечи.

– А тот, от которого ты бы хотела получить предложение, молчит? – интуитивно сделала я вывод.

Женя опустила голову и усмехнулась.

Ну, вот и вся история. Девочка пытается вызвать ревность какого-то тупицы, не обращающего на нее внимания.

Остается только выяснить, кто этот тип: на радость или на беду встретился он на Женином пути. Нужно будет обсудить с Семеном, стоит ли нам вмешиваться в историю девичьей любви. Мне кажется, придет время, если будет что-то действительно серьезное, она сама все расскажет отцу. А пока пусть поиграет во взрослые игры. Это жизнь.

От неразделенной любви лечит только время или новое увлечение. Хочется надеяться, что судьба будет к девочке благосклонной. Вообще-то творческие натуры тяжело переживают неразделенную любовь. Для некоторых она становится стимулом для создания замечательных произведений. Кое-кто остается одиноким на всю жизнь, не найдя в других тех качеств, что привлекли в былом возлюбленном. Хотя, скорее всего, все эти переживания остались в прошлом веке. Современная молодежь проще смотрит на жизнь и партнеров. Хочется верить, что и Женю минует чаша разочарования в любимом.

Пауза затягивалась, и я постаралась перевести разговор на другую тему, мне ведь еще предстоит узнать подоплеку многих событий в группе «Сочетание чувств».

– Да, повезло тебе, столько девушек хотели бы оказаться на твоём месте. Но ведь, наверное, это только на сцене все так красиво и празднично?

Женя тоже с радостью сменила тему.

– Да, какой уж праздник. Пашешь, пашешь, как проклятый, а твои записи теряют.

– Как теряют?

«Ну-ка, ну-ка, поподробнее об этом», – мысленно взмолилась я: Женя вновь вышла на интересующую меня тему.

– Да так, записывали мы последнюю песню, записывали, а потом оказалось, что и диск утерян, и самих записей в компе нет. Шума было! Больше всех звукооператор выступал, жаловался, что кто-то стер запись. А кто мог в его комп влезть? К Интернету тот не подключен, запаролен – никто чужой зайти не мог.

– И кому это надо? – поинтересовалась я.

– Понятия не имею. Мы уж с девчонками думали-думали. Украсть саму песню не получится – композитор на нее уже права оформил. А авторские права у нас сейчас начали защищать, плагиат не проходит – себе дороже. В конце концов, мы пришли к выводу, что это какой-нибудь фанат диск стер и теперь любитесь.

– А файл из компьютера тоже фанат стер? – Я не стала скрывать скептических ноток в голосе.

– Да нет, Максим сам как-нибудь не на ту клавишу нажал, а теперь боится признаться.

– Профессионал такого класса, как Максим, не может нажать не на ту клавишу, когда речь идет о его работе, – безапелляционно заявила я.

– Вы его знаете? – удивилась Женя.

– Я слышала о нем от многих, и все считают, что это мастер высокого класса. И потом, то, что легко стереть на компьютере, не так уж трудно восстановить.

– А кем вы работаете? – насторожилась девушка.

– Занимаюсь информационными технологиями, – я почти не соврала.

– Это связано с музыкой? – решила уточнить Женя.

– И с музыкой, и с психологией, и вообще с человеческим поведением, – нет, надо менять тему, решила я и спросила: – А что вам приготовить в следующий раз?

Удивились оба, и Семен, и Женя, и мне оказалось легко перейти к расспросам о взаимоотношениях в группе. Женя рассказала, что, в общем, девочки не вредные. Больше всех она дружит с Гулей Манаровой – обе они студентки консерватории, обе решали одинаковые проблемы с переходом на индивидуальный график занятий, переживали зависть и приколы однокурсников. Гуля учится на третьем курсе, она охотно помогала первокурснице Жене, даже свои конспекты давала – они у нее все сохранились. И вообще Гуля – девочка интеллигентная, неконфликтная, общаться с ней одно удовольствие, не то, что с Алиной Светловой. Может быть, солистке и положено быть капризной – так она самоутверждается. Но не до такой же степени! Алина всех извела своими причудами. Особенно продюсера, он даже пригрозил ей, что сделает солисткой Свету Измайлову. Света поет не хуже, да еще и на гитаре играет! А Алина только петь может, поэтому она попритихла. Но, сократив число громких скандалов, Алинка слегка затаилась, а Свете сказала: «Только попробуй! Подумаешь о моем месте – убью!»

Рассказ Жени прервал звонок домашнего телефона. По-видимому, звонивший интересовался, почему девушка не отвечает по мобильному, и она начала оправдываться, говоря, что сдавала экзамен, поэтому отключила телефон, а не включала потому, что устала и не хотела ни с кем общаться. Потом Женя побледнела и растерянно посмотрела на нас:

– Свету убили, – на ее глаза навернулись слезы, – еще утром. Я экзамен сдавала, телефон отключила, до меня никто не мог дозвониться, – она повторила для нас то, что уже сказала телефонному собеседнику.

Я подошла к плачущей девушке, обняла ее и погладила по голове. Женя вцепилась в меня и разрыдалась:

– Чеснокова арестовали! Этого не может быть! Это не он! Он не такой...

Начинающуюся истерику нужно было гасить немедленно.

Я подошла к раковине, намочила полотенце и приложила мокрую ткань к лицу Жени.

– Не переживай, милиция разберется, найдет настоящего виновника.

– Вы не понимаете, он замечательный, он такой талантливый, он так нас всех любит! – опять начала накручивать себя девушка.

– Женя, – я постаралась отвлечь ее, – расскажи мне, может быть, ты что-то слышала, заметила что-то особенное, нетипичное. Кроме Алины, кто еще не любил Свету?

– Да все любили! Веселая, невредная, компанейская. И Алинка невсерьез бросила эту угрозу – просто в сердцах. Они потом помирились. Света и так не на последних ролях в группе была, сама в некоторых песнях солировала. Ой, что же теперь будет? Ведь у нас через три дня концерты в соседней области, уже билеты проданы!

– По-моему, вам нужно собраться и в память о погибшей Свете провести концерты! Этим вы и Чеснокову поможете.

Девушка взяла себя в руки и начала обзванивать подруг, предлагая собраться, чтобы обсудить происшествие и наметить план действий.

Когда она убежала, Семен растроганно поблагодарил меня:

– Таня, она тебе рассказала столько, сколько я не слышал за последние три года!

– А ты пытался услышать? Или только предъявлял претензии: ты должна, ты обязана, я хочу, чтобы ты сделала это, стала такой? – на этом я остановилась, заметив, что сама перехожу на нравочения.

Распрощавшись, мы с Ножкиным договорились держать друг друга в курсе событий.

Взглянув на часы по дороге домой, я решила, что девять вечера – не слишком позднее время для звонка другу, и уже нашла в телефоне номер Кири, когда вспомнила свои утренние

уверения в том, что я не буду заниматься этим делом. Что же делать – признать правоту Кирьянова и пойти к нему на поклон? Делать этого не хотелось до смерти. А спрошу-ка я Гарика Папазяна, другого моего милицейского друга, о том, что он знает о расследовании убийства на бульваре.

Гарик моему звонку не удивился – он уже пообщался с Кирьяновым и был в курсе моего утреннего приключения. Больше того, ждал моего звонка, поэтому сразу приступил к делу и рассказал, что следователь вовсе не арестовывал Чеснокова, а пригласил продюсера, чтобы выяснить, кому была выгодна смерть Светланы, и узнать о взаимоотношениях в группе. Вспомнив утро и приемы работы лейтенанта, я поняла, что задержание «на всякий случай» вполне в его духе, и не удивилась, что Чеснокову пришлось весь день провести в милиции. С Гариком мы договорились обмениваться, как всегда, информацией.

Дома я раскинула кости и выяснила, что «пока я медлю, будущие удачи могут пострадать, а тайные замыслы врагов возмужают» – об этом сказали мне выпавшие цифры: «7+36+17». Но разве я медлю?

Я позвонила Оксане Чесноковой, которая продиктовала мне телефоны и адреса девушек и рассказала, что Виталий вернулся домой поздно, очень расстроенный, говорил с ней мало, только нецензурно охарактеризовал работу следователя и сказал, что такими способами убийцу не найдут, и поэтому рассказ о ее встрече со мной воспринял одобрительно. Потом она передала трубку Чеснокову, с которым мы договорились увидеться завтра и все обсудить.

Встреча состоялась рано утром. Мы понравились друг другу сразу же. Нет-нет, это не сексуальное чувство. Мы заинтересовались друг другом как профессионалы, каждый в своем деле. В Виталии чувствовалась одержимость: он нашел свой путь в жизни и получал удовольствие от того, чем занимался. Чесноков любил «своих девочек», которых сумел объединить в творческий коллектив, как талантливый скульптор, стремился вылепить из них оригинальные личности. О каждой он знал и мог рассказать многое: их сильные и слабые стороны, возможности и недостатки, успехи и неудачи. Чесноков осознавал, что он только в начале пути, что впереди колоссальный объем работы. И теперь какой-то подлец уничтожил «его девочку»! Продюсер был готов разорвать того собственными руками.

Его увлеченность захотелось поддержать. Мы обсудили цепочку неприятностей, о которой я узнала вчера от Оксаны. Случайна ли эта цепочка? Мне и предстояло это выяснить. Что-то подсказывало мне, что убийство – это вершина айсберга. Разобравшись с подводными массивами, то есть с цепью неприятных происшествий, случившихся за последнее время в группе, мы подберемся к вершине.

Виталий согласился со мной и попросил начать с Гульнары Манаровой.

– Когда все начиналось, я встречался с ее отцом, – рассказал продюсер. – Я понимал, что воспитанная в восточных традициях девочка очень зависит от воли отца. Он показался мне современным человеком, не деспотом. Мы обговорили, на каких условиях его дочка может выступать на сцене, я их безоговорочно принял и строго соблюдал. И вдруг строжайший запрет. Девочку буквально посадили под замок. – Потеря Светланы очень скажется на коллективе, – продолжал Виталий. – Если мы останемся еще и без Гули, на группе можно будет ставить крест. Через два дня у нас начинаются гастроли. Билеты проданы. А Манаров даже говорить со мной не хочет. Вся надежда на вас.

Виталий рассказал мне, как добраться до дачного поселка, где строгий отец спрятал дочку. Туда я и отправилась.

Гордость тарасовцев – Волга. Сюда еще не дошли амбиции защитников природы, и особнякам, выросшим в последние годы на берегах, пока ничего не угрожает. Дачные участки, вольготно раскинувшиеся в пойме, постепенно застраиваются добротными домами. Есть тут

и своя «долина бедняков» – поселок, к которому ведет вполне приличная дорога (большая редкость в нашей губернии), расположившийся недалеко от областного центра. Проникнуть в него мне помогло знакомство с Вероникой Нестеровой, владелицей агентства «Домашний очаг», специализирующегося на операциях с недвижимостью. С некоторых пор Вероника расширила круг своих услуг и стала не только помогать с куплей и продажей квартир и домов, но и сдачей их в аренду.

Конечно, большинство россиян, имеющих достаточный доход, предпочитают проводить отпуска в Египте, Турции и прочих островах. Но есть и такие странные люди, которые с удовольствием проводят несколько недель в центральной полосе России. Таким чудачкам Вероника помогает арендовать жилье на берегу Волги.

Когда я объяснила Веронике, что мне нужно на недельку поселиться в поселке Затонный, она тут же выдала два адреса. Везение не изменило и в этот раз. Один из домов оказался по соседству с Манаровыми.

Через полчаса, внеся необходимую сумму денег, я получила ключи, а еще через час осматривала уютный особняк в нужном месте. Закинув в холодильник пачку сарделек и пару коробок сока, я развесила на плечиках в шкафу блузку и сарафан и, переодевшись в купальник, на который натянула шорты и майку, отправилась на пляж.

Участок спускался на берег Волги. По закону берег этот не должен быть огорожен – Волга пока еще не приватизирована. Но у владельцев здешних особняков свои отношения с законом, так что прекрасный кусок песчаного пляжа, примыкающего к дачному участку, был только в моем распоряжении. Полную недоступность для посторонних обеспечивал мощный забор из металлической сетки, уходящий метров на пять в воду. Все это было бы прекрасно для любых отдыхающих, кроме меня. Мне как раз нужно общение. Изучив пустынный берег, я стала искать другие варианты. Итак, если забор нельзя преодолеть посуху, его можно объехать по воде. Значит, попробуем добыть плавсредство. На северном конце моего пляжа построены небольшие мостки, напоминающие небольшой причал, значит, сюда пристают какие-нибудь катера. Вот только где здесь поблизости можно взять катер?

Кроме основного дома, на участке было несколько сараев. В прихожей висела большая связка ключей, один из которых подошел к сараю, где хранилось пластмассовое изделие – нечто среднее между байдаркой и каноэ.

«Тяжеловато, конечно, но если поднапрячь накачанные мышцы, дотащить эту штуку до воды мне вполне удастся», – решила я, волоча желтую штуковину к кромке воды.

Сказано – сделано. Вот я уже качаюсь на небольшой волжской волне, осваивая миниатюрную лодочку. Грести я люблю и умею. Несмотря на то что до сих пор грела в основном лишь на громоздких прогулочных лодках в городском парке, управление пластмассовой малюткой освоила быстро. И с удовольствием прокатилась вдоль берега, развивая неплохую, как мне показалось, скорость. Физическая нагрузка потрясающая – вот как лишние килограммы сбрасывать! Удовольствие я получила, а вот в процессе проникновения в дом Манаровых с места не сдвинулась. Их часть пляжа пустовала, хотя на берегу стояло несколько шезлонгов и лежаков, на одном из которых лежало оранжевое полотенце. А на пластмассовом столике под тентом виднелись бутылки и стаканы. Значит, с утра здесь кто-то отдыхал. Ну что ж, подождем.

Я выволокла лодку на берег и вернулась домой.

Где еще может быть народ? Займемся изучением окрестностей.

Открыв в ноутбуке карту местности, я выяснила, что Затонный расположился на протяжении трех километров по берегу Волги. Спутниковый снимок показал, что заправка – на северном въезде в поселок, а в центре – скопление машин возле одноэтажного строения. Посмотрим, что там такое.

Шорты я переодевать не стала, но майку поменяла. На ярко-розовом трикотаже написано: «The way of love». Сегодняшний путь вряд ли приведет меня к любви. А вот прийти к новым

знаниям мне бы очень хотелось. Мягкие белые кроссовки-мокасины, соломенная шляпка и очки от солнца завершили наряд. Идти пешком? Нет, пожалуй, лучше поеду.

Несколько лет подряд я ездила на бежевой «девятчке», очень любила ее и благодарна своей машинке за то, что не раз она выручала меня в сложных ситуациях. И все же поменяв ее на «Ситроен», я поняла тех, кто заявлял о своей приверженности к иномаркам.

Чем я руководствовалась, выбирая новую машину? Состоянием души. Я, конечно же, внимательно прочитала несколько форумов автолюбителей, в которых они говорили о достоинствах и недостатках своих железных коней, поспрашивала знакомых, походила по салонам, но ни к чему конкретному не пришла, пока не увидела СВОЮ машину. Я узнала ее сразу, а как только села за руль, поняла, что она ждет именно меня. Мы почувствовали друг друга сразу и с первых мгновений начали получать удовольствие от общения.

Сначала я ласково называла автомобиль «моя француженка» по аналогии с моей «девяткой», но потом поняла, что ошиблась: «Ситроен» – мой мальчик. И автомобиль с этим согласился. С тех пор наша взаимная любовь стала еще крепче и надежнее.

Поэтому обращение «Ну, поехали, дорогой» стало традиционным, мне кажется, что без него мы и с места не тронемся.

Вот и сейчас я нежно погладила руль и пригласила машину проехаться сначала до заправки, а потом позаботиться о пище насущной для меня.

Едва я подъехала к заправке, как ко мне подбежал паренек в фирменной майке и бейсболке с эмблемой, я дала ему денег и попросила заполнить бак. Молодой человек попробовал отдать мне сдачу, но я отрицательно покачала головой. Тогда парнишка предложил протереть мне стекла. Я согласилась и вышла из машины. Наблюдая за его работой, спросила, много ли у него клиентов, ведь поселок расположен километрах в пяти от трассы Тарасов – Воленск.

– Сейчас, когда дачники понаехали, нормально. А вот зимой за целый день если несколько человек заедут – удача, – пожаловался тот и, в свою очередь, спросил: – А вы теперь тоже у нас жить будете?

Я сообщила пареньку, что приехала ненадолго отдохнуть, и поинтересовалась, как здесь проводят свободное время. На что мне ответили, что в центре поселка есть торговый центр с кафе и игровыми автоматами. А в основном дачники сидят по своим участкам. В гости друг к другу ходят редко. Дамы пьют кофе в торговом центре, мужчины играют в бильярд. У некоторых есть теннисные корты. Молодежь тусуется на общественном пляже, который тоже расположен в центре поселка.

Ну что ж, в центр так в центр.

Одноэтажное здание, отделанное пластиком и украшенное парочкой вывесок, которые указывали на то, что здесь расположены магазин, кафе, парикмахерская, было действительно расположено в центре поселка. Судя по месту для парковки, местные жители пешком не ходили, и даже сейчас, поздним утром, машин здесь было много.

Интересно, а где же их владельцы? В магазинчике продавщица скучала в одиночестве.

Я посмотрела на витрины и выбрала пачку печенья, поинтересовавшись, свежее ли.

– Мы помногу не завозим, – ответила девушка, – только то, что любят постоянные покупатели и в минимальных количествах, так что не беспокойтесь.

Судя по выкладке, покупатели любили качественные продукты.

– Вам что-нибудь заказать? – Девушка с бейджиком, на котором было написано «Наташа, продавец-консультант», знала свое дело.

– Я приехала отдохнуть, да и готовить не особенно люблю, – доверительно сообщила я ей. – А перекусить здесь можно? Не отравлюсь? – Я кивнула в ту сторону, где располагалось кафе.

– Не отравитесь, – засмеялась моя собеседница, – там моя мама готовит, а она в отличие от вас это дело любит.

– Владельцы всех этих машин угощаются у вашей мамы? – Я показала на парковку.

– Что вы, они на пляже.

На мой вопросительный взгляд она показала себе за спину и уточнила:

– На берегу Волги – общественный пляж, – там всегда много народа, даже из Тарасова приезжают. У нас общая парковка.

– А у местных, наверное, у всех свои пляжи?

– Молодежи там скучно, они все здесь тусуются, а крутые тетки, конечно, у себя гостей принимают.

Тут в магазин ввалилась веселая компания из трех парней и двух девушек, Наташа извинилась и принялась выставлять на прилавок баночки и выкладывать пакетики.

Я прощально кивнула и перешла в кафе.

Едва я села за столик, как ко мне подошла девушка, очень похожая на Наташу, только немного помладше.

– Вы Наташина сестра? – проявила я наблюдательность.

Девушка удивленно посмотрела на меня и кивнула.

– Она сказала, что ваша мама очень вкусно готовит. Что вы мне посоветуете? У вас семейный бизнес?

Официантка рассмеялась и начала отвечать на вопросы в порядке их поступления:

– На мамины блюда еще никто не жаловался! Возьмите наш фирменный салат «Искушение» и пожарские котлеты. Семейным бизнесом это назвать трудно, так как ни магазин, ни кафе нам не принадлежат, просто мама когда-то работала у хозяев торгового центра Манаровых, а когда захотела открыть собственное кафе, господин Манаров предложил ей долю в своем. Мы с сестрой не могли найти работу – мама сказала, что от добра добра не ищут, и предложила помочь ей.

– А почему ваша мама ушла от Манаровых? Они ее обидели?

– Ну что вы! Просто захотелось иметь свое дело. Она у нас женщина энергичная, увлекающаяся, у нее столько идей!

– Манаровы? Знакомая фамилия, – «задумалась» я. – Недавно я купила диск нашей тарасовской группы «Сочетание чувств». Одна из солисток – Гульнара Манарова.

– Да-да, – обрадовалась девушка, – это наша Гуля.

– Ой, как интересно! А как бы с ней познакомиться?

Официантка недоуменно пожала плечами:

– Понятия не имею, она здесь не появляется. Здесь развлекаются наши местные ребята, те, у кого родители в службе особняков работают, а богатенькие в Тарасов по ночам ездят, у них там свои тусовки.

– И Гуля?

– Про Гулю Нинка (это дочка их горничной) говорит, что она одержимая. На рояле по шесть часов играла прошлые годы. Сейчас, когда в группе стала выступать, дома почти не бывает – у нее то концерты, то репетиции. А вообще она девчонка клевая, контрамарки нам на концерты дает. Вон, смотрите, плакат висит с автографами – это Гуля нам подарила.

Между окон действительно висел рекламный плакат группы «Сочетание чувств» с автографами всех певиц. Было видно, что снимок из той же серии, что и на обложке диска. Все девушки радостно улыбаются. В центре – смеющаяся Светлана Измайлова. Здесь она лишь чуть-чуть напоминает ту девушку, чей труп я обнаружила вчера на скамейке.

Отгнав грустные мысли, я поинтересовалась, где можно найти Нину. Может быть, она поможет мне познакомиться с Гулей – пояснила я девушке.

– Сейчас она, наверное, на пляже. Это здесь, недалеко. А есть-то вы будете? Заказ я вам быстро принесу, через три минуты!

– Ну, если через три, то неси салат и кофе – время пошло, – пошутила я, решив, что обедать мне, скорее всего, не придется, значит, можно потратить минут пятнадцать на пополнение энергии.

Кофе оказался неплохим, а салат чудесным! Так что на пляже я появилась в отличном настроении.

Чтобы оказаться на берегу Волги, пришлось спуститься по отлогой деревянной лестнице, состоявшей из нескольких пролетов. Прекрасный песчаный пляж тянулся метров на шестьсот, после чего начинались причалы с катерами, а дальше виднелись такие же уходящие в воду заборы, как у моего дома.

«Общественная» часть берега была облагоустроена несколькими грибками, парой кабинок для переодевания, несколькими лавочками. Была здесь даже волейбольная площадка с натянутой сеткой, на которой два парня сражались с четырьмя девушками. Нельзя сказать, что парни проигрывали. То тут, то там кучковались мамы с детьми, в отдалении обнимались парочки, по берегу ходили несколько бабушек и тщетно зывали к внукам, уже посиневшим, но не желавшим выбираться из воды.

Я подошла к волейбольной площадке и стала смотреть на игру. У одной из девушек зазвонил сотовый телефон, и она ушла с площадки.

– Никто не будет против, если я ее заменю? – поинтересовалась я и, не услышав возражений, вышла на площадку.

Волейбол – не самая моя любимая игра, но общая физическая подготовка сказалась, и мы начали брать верх.

В процессе игры выяснилось, что играю я с Лизой, Дашей и Ниной против Павлика и Сергея. По-быстрому разгромив ребят, мы отправили их за пивом, а сами принялись купаться.

Лиза и Даша плескались недалеко от берега, а мы с Ниной поплыли в глубину. Плавание тоже входит в комплекс моей физподготовки, так что я неплохо плаваю и брассом, и кролем. Выросшая на берегу Волги, Нина решила показать класс и все наращивала темп. Я не вырывалась вперед, но и не отставала. Когда мы отплыли на приличное расстояние, я решила «сдаться» и перевернулась на спину. Через некоторое время Нина вернулась.

– Устала? – с нотками торжества в голосе спросила она.

– Немного, – лукавила я.

– Ты неплохо плаваешь, – Нина все-таки отдала должное моему мастерству. – Где научилась?

– Трудное детство, – отшутилась я и предложила вернуться к берегу.

Делая вид, что потягиваю из баночки пенный напиток (я не стала говорить, что за рулем, и разбивать компанию), я отвечала на расспросы: да, сняла коттедж ненадолго. Но на собственном пляже скучно. Работаю тренером по фитнесу в элитном клубе. Не замужем, но имею поклонника (этим особенно интересовались парни, поэтому, чтобы не настраивать против себя девушек, пришлось выдумать кавалера), который, возможно, приедет на выходные.

Потом обсудили с девчатами последние веяния в мире моды и перешли к местным сплетням. Естественно, начали с Манаровых. Как только ребята узнали, какой именно коттедж я сняла, мне объяснили, что к соседям лучше не соваться – чужих там не принимают, с соседями не общаются.

По здешним преданиям, Манаровы – самые первые «новые русские» в поселке. Манаров откупил три усадьбы, выходящие огородами на берег Волги, снес дома и выстроил первый в Затонном особняк. За ним потянулись и остальные. Земля в поселке подорожала. Местные сначала ворчали – ну, не любят у нас богатых, – а потом осознали, что, продав дедовскую

халупу, можно купить жилье в областном центре, и процесс пошел. Остались в основном упертые старики, не желавшие расставаться с домом и землей, где прошла вся жизнь и их самих, и их отцов и дедов. Не были востребованы пока и дома, расположенные подальше от берега. Но и их хозяева, в конце концов, оказались в выигрыше: когда развалился колхоз, центральная усадьба которого была в поселке, и большинство жителей остались без работы, выяснилось, что их умелые руки пригодятся в особняках, выросших на месте избушек-развалюшек. Старики пошли в сторожа (в дома попроще, туда, где не было своей охраны), женщины – в поварихи и горничные, а рукастые мужчины занялись мелким ремонтом, который всегда требуется в большом доме. Хозяев даже устраивало, что не приходилось вызывать специалистов из Тарасова, и телефоны электрика дяди Миши, сантехника Дениса Николаевича, плотника Аркаши передавали от соседа к соседу. Разумеется, оказались в поселке и недовольные, те, кому богатые особняки «новых русских» что кость в горле. Но молодые люди к таким не относились, они, выросшие в эпоху первоначального накопления капитала, даже не столько завидовали нуворисам, сколько мечтали оказаться на их месте, ничего при этом не делая. Поэтому в их рассказах преобладали положительные оценки и нотки зависти.

Нина с упоением рассказывала о Гуле. Надо же, при таких деньгах одевается она в джинсы и маечки. Собственной машины у нее нет – папины охранники куда нужно отвозят и привозят. Играет и играет на своем рояле – как будто больше заняться нечем! Про парня ее никто не слышал – наверное, его и не было никогда. Друзья к ней редко, но приезжают. Конечно, компания у нее своя, с местными она не тусуется, но при встрече ведет себя нормально. В последнее время, если попросишь, автографы раздает, плакаты рекламные своей группы. Отец держит дочку в ежовых рукавицах – человек восточных традиций, что с него взять? Гуля ни шагу без его разрешения не сделает, но выступать в ансамбле он ей почему-то разрешил. Может быть, это влияние Екатерины Егоровны – мама у Гули русская, нормальная женщина, без паранджи и прочих заморочек, и машина у нее есть, и ездит без охраны. У нее собственная рекламная фирма, но Манарова не работает, а лишь владеет, то есть деньги получает. В город ездит каждый день, домашними делами занимается мама Нины, Наталья Федоровна, сменившая Наталью Георгиевну, которая сейчас хозяйничает в кафе Манаровых. То ли купила у него, то ли в долю вошла – разве ж скажут! Дочки у нее деловые – заняты все время, даже на пляж никогда не ходят.

Поток информации переместился в другое русло, которое меня не совсем интересовало. Мне в первую очередь нужно было выяснить, как подобраться к Манаровым. И кроме того, что сделать это будет трудно, я ничего пока не выяснила.

Но тут вступила в разговор Лиза, которая рассказала, что и Гуля, и Екатерина Егоровна вот уже второй день безвыездно сидят дома, а перед этим Манаров шумел так, что стеклопакеты тряслись. Екатерина Егоровна пробовала что-то возразить, но хозяин хлопнул дверью, предупредив начальника охраны о том, что разгонит всех, если хоть кто-то из женщин покинет дом. Охранники сначала и прислугу не выпускали, но потом все-таки осмелились позвонить и выяснили, что под «женщинами» подразумевались жена и дочь. Но те и не стремились никуда, так что парни вздохнули посвободнее, но «военное положение» пока не отменено, и у Лизы из-за этого сорвалось свидание с Пашкой, который как раз работает в охране Манаровых. И вместо того чтобы вчера вечером пойти с Лизой на дискотеку, он названивает ей через каждые полчаса с извинениями и жалобами на «службу» – надоел уже.

Так, значит, особняк еще и на осадном положении – час от часу не легче! Ну что ж, чем сложнее задача, тем интереснее ее решать.

– Вы только на берегу загораете? – поинтересовалась я. – А с ветерком по Волге как прокатиться?

Все дружно повернулись к Сергею.

– В принципе у меня моторка есть, но вот бензин кусается, – парень нерешительно посмотрел на меня.

– Не вопрос, – достала я кошелек, – сколько?

Получив купюры, обрадованные ребята помчались организовывать увеселительную прогулку, а я попробовала еще порас-спрашивать девушек и поинтересовалась, были ли они на концертах группы «Сочетание чувств». Те оказались фанатками, не пропускающими возможность послушать местную знаменитость. Пару раз они были на концертах в Тарасове. А один раз сопровождали Гулю в соседний Воленск. Все купили диски, на которых расписались солистки ансамбля – это Гуля организовала, а плакаты она просто дарит, как только те выходят из печати.

– Где же вы с ней встречаетесь, если у нее охрана? – поинтересовалась я.

– Это только в последнее время ее под замок посадили, – принялась тараторить Лиза, – а раньше она в поселке появлялась, то в магазин за какими-то мелочами приходила, то бегала по утрам с собакой. Они ее у нас купили, моя мама – заводчик лабрадоров, так что они к нам и на консультацию приходили, и звонят постоянно, если с Реем что-то случается.

– Рей – это их собака? – уточнила я.

– Ну да.

– Надо же, – «удивилась» я, – у меня тоже лабрадор Фима.

– А где вы его купили? – В голосе Лизы послышались ревнивые нотки. – В Тарасове лабрадорами занимаемся только мы!

– Точнее, – принялась выкручиваться я, – Фима принадлежит моим друзьям, а когда они куда-нибудь уезжают, оставляют его у меня. Но так как в поездки они отправляются очень часто, то собака уже стала членом моей семьи.

– Но это же вредно! – возмутилась девушка. – У собаки должен быть один хозяин.

– А он и есть у нее один, я просто на подхвате, но так люблю Фимку! – Пока я отбивалась от возмущенной Лизы, в голове сложился план знакомства с Манаровыми. Теперь нужно тактично смыться.

Доставая из сумочки зеркальце и губнушку, я нажала на цифру «семь» на сотовом. Это номер быстрого набора телефона моей подружки Светки, с которой существует железная договоренность: если я звоню и отключаюсь, то ровно через семь минут она должна перезвонить и в разговоре подыграть мне. Нужно отдать должное подружке, несмотря на все ее легкомыслие, это соглашение она соблюдает железно. Вот и сейчас ровно через семь минут раздался звонок. На горизонте как раз появились ребята и даже услышали конец моего телефонного разговора.

– Света? Что случилось? Я же просила мне не звонить, пока я в отпуске, – постаралась я придать голосу строгость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.